

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

STANFORD
LIBRARIES

К'УПРОСУ О СУЩНОСТИ РУССКАГО...

ВХ601 · К45

Н. ХАРЛАМПОВИЧЪ.

КЪ ВОПРОСУ

О СУЩНОСТИ РУССКАГО РАСКОЛА СТАРООБРЯДСТВА.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго университета.

1900.

I-1340
A-1091

10

Н. ХАРЛАМОВИЧЪ.

4, XII, 1900.

Charlamovitch, N.

КЪ ВОПРОСУ

О СУЩНОСТИ РУССКАГО РАСКОЛА СТАРООБРЯДСТВА.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго университета.

1900.

Печатано по опредѣленію Историко-Филологическаго Факультета
Императорскаго Казанскаго Университета.

Деканъ *А. Смирновъ.*

BX601
K45

Къ вопросу о сущности русскаго раскола старо- обрядства.

(Вступительная лекція въ курсъ исторіи раскола приватъ-доцента Императорскаго Казанскаго университета К. В. Харламповича 13 сентября 1900 г.).

Мм. Гг.! Церковная исторія, въ учено-педагогической разработкѣ которой въ стѣнахъ Казанскаго университета я допущень, являясь однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ въ области духовнаго вѣдѣнія, въ университетской ея постановкѣ захватываетъ чуть ли не половину богословскихъ дисциплинъ и къ тому же стоитъ въ тѣсной связи съ нѣкоторыми свѣтскими науками. Потому не безъ чувства смущенія предъ обширностью задачи всхожу я на эту кафедру. А избравши для своихъ чтеній въ текущемъ семестрѣ исторію русскаго старообрядческаго раскола, я долженъ считаться и съ тѣмъ недоумѣніемъ, какое, быть можетъ, вызоветъ въ нѣкоторыхъ изъ васъ объявляемый мною курсъ.

Около 40 лѣтъ тому назадъ одинъ писатель нашель, что понятія нашей публики о расколѣ темнѣе заповѣднаго мачтоваго лѣса. Но и въ настоящее время немногіе имѣютъ достаточно опредѣленные представленія о расколѣ и могутъ похвалиться знаніемъ его исторіи. И это—несмотря на то, что въ послѣднія десятилѣтія раскольническій вопросъ получилъ особое оживленіе,—съ одной стороны вслѣдствіе изданія закона 3 мая 1883 г., появленія въ печати множества матеріаловъ и изслѣдованій по исторіи раскола, усиленія устной и печатной противораскольнической полемики, съ другой—благодаря умноженію средствъ пропаганды самого раскола,

разсылающаго по всей Россіи миссіонеровъ, владѣющаго тайными типографіями, издающаго свои газеты, созывающаго въ центрахъ православія соборы своихъ представителей, учреждающаго свои братства (братство св. креста). Но и помимо того вопросъ этотъ имѣетъ крупный интересъ—и по своей количественной величинѣ и по своему значенію въ исторіи.

Цифра раскольниковъ-старообрядцевъ въ точности не извѣстна, да едва ли когда-нб. и станетъ такой въ виду паническаго страха нѣкоторыхъ толковъ раскола предъ всякаго рода записями и исчисленіями (вспомнимъ недавнее тираспольское дѣло), а также того, что въ настоящее время расколъ раздробился на такое множество сектъ и такъ видоизмѣнился, что статистикъ часто не знаетъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло—съ старовѣромъ ли, съ рационалистомъ ли или съ мистикомъ. Потому-то одинъ авторъ (Юзовъ), насчитавши 11 милліоновъ поповцевъ и безпоповцевъ и милліонъ слишкомъ духовныхъ христіанъ съ хлыстами и скопцами, прикинулъ милліонъ на раскольниковъ, принадлежность которыхъ въ тому или другому согласію не опредѣлена. Максимальная цифра раскольниковъ и сектантовъ, принимаемая нѣкоторыми писателями,—16 милліоновъ душъ, $\frac{1}{9}$ всего населенія имперіи. По другому, офиціальному счету, раскольниковъ не болѣе 3 милліоновъ; къ этому числу приближаются и данныя переписи 1897 г. Какъ ни велика разница въ цифрахъ, обуславливаемая различіемъ тенденцій счетчиковъ и употребляемыхъ ими приемовъ,—ясно, что мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ крупнымъ и при томъ такимъ, относительно котораго спорять, растеть оно или ослабѣваетъ...

Значеніе раскола въ исторіи сказалось прежде всего въ области церковной. И это неудивительно: расколъ вышелъ изъ церкви и, оказавшись внѣ ея, вызвалъ ее на борьбу съ собой. Отсюда развитіе миссій съ должностями разныхъ градаций (синодальные миссіонеры, епархіальные, окружные), съ журналами и съѣздами, отсюда новая наука—исторія и обличеніе раскола, представляемая въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ особыми кафедрами и входящая мало-по-малу въ курсы нѣкоторыхъ низшихъ школъ. Отсюда же—и это не менѣе, если не болѣе важно—заботы церковной власти о поднятій нравственнаго и умственнаго уровня духовенства и паствы и объ оживленіи церковно-приходской жизни. Не

обошлось безъ вліянія раскола на наше законодательство и на развитіе системы гражданскихъ мѣръ по отношенію къ раскольникамъ и сектантамъ. Системы эти мѣнялись не разъ въ теченіе почти двухъ съ половиной вѣковъ существованія раскола и не только вслѣдствіе различія личныхъ взглядовъ монарховъ, но и въ зависимости отъ убѣжденій и дѣйствій самихъ раскольниковъ. Обязана расколу и русская наука, которой онъ сохранялъ немало памятниковъ древней письменности и вообще старины. Любитель и хранитель всякой старины, расколъ и доселѣ представляетъ по мѣстамъ живые типы русскихъ людей дореформеннаго періода, яркіе образцы семьи, сложившейся по Домострою, черты древняго общественнаго быта и чисто русской общественной организаціи. Въ виду всего этого „изученіе исторіи раскола является необходимымъ для каждаго общественнаго дѣятеля, который захотѣлъ бы идти не ощупью и не наугадъ въ своихъ дѣйствіяхъ и предпріятіяхъ“.

Но что такое расколъ? Каково его происхожденіе и въ чемъ его сущность? Положительному рѣшенію этихъ вопросовъ, утвердившемуся въ духовной наукѣ, я предпошлю изложеніе взглядовъ на расколъ свѣтскихъ писателей.

Въ 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія сдѣлана была первая попытка изученія раскола по даннымъ центральныхъ архивовъ и на мѣстѣ—со стороны Министерства внутреннихъ дѣлъ. Повторенная въ началѣ 50-хъ годовъ, она привела чиновниковъ, собиравшихъ свѣдѣнія о раскольникахъ преимущественно въ Ярославской, Костромской и Нижегородской губерніяхъ, къ убѣжденію, что расколъ имѣетъ политическій и гражданскій характеръ, что онъ живетъ „протестомъ противъ правительства и современнаго порядка вещей“, что раскольники „составляютъ собою особую обществу, желающія пріобрѣсть себѣ свою особую самобытность и сопротивляющіяся общимъ постановленіямъ государства; общества, кои, при малѣйшихъ внутреннихъ безпорядкахъ или распряхъ съ сосѣдственными державами, могутъ имѣть большое вліяніе на государство по тайнымъ связямъ здѣшнихъ раскольниковъ съ заграничными и по огромности находящихся въ ихъ рукахъ капиталовъ какъ частныхъ, такъ и общественныхъ“. Къ этому же взгляду примкнулъ извѣстный писатель Мельниковъ, признавшій всѣ расколы и секты, кромѣ поповщины, болѣе или

менѣ вредными въ государственномъ отношеніи. „Что, говорилъ онъ въ 1857 г. въ запискѣ, составленной для в. князя Константина Николаевича,—что, если въ случаѣ разрыва съ Австріей, впереди австрійскихъ войскъ пойдетъ Кириллъ (бѣлокриницкій митрополитъ), облаченный въ древнія святительскія одежды? Осѣненіемъ своего осмиконечнаго креста онъ причинитъ Россіи во сто кратъ болѣе вреда, чѣмъ штуцера и пушки австрійскія, ибо въ нѣдрахъ Россіи за него можетъ стать 5 милліоновъ людей... Необходимо успокоить умы раскольниковъ... Поддерживать же принятую систему гоненія... значило бы навлекать и умножать видимую опасность“. Подобнымъ образомъ и члены экспедицій находили, что политическая опасность отъ раскольниковъ обуславливается преслѣдованіемъ ихъ, почему и стояли за измѣненіе отношеній къ нимъ государства. Къ тому же располагали чиновниковъ нѣкоторыя достоинства личнаго и общественнаго характера раскольниковъ,—ихъ трезвость, воздержность, простота образа жизни, сильно развитое общественное чувство и сравнительная грамотность, хотя при этомъ не скрывались и недостатки: невѣжественность, извращенность религиозныхъ и нравственныхъ понятій, крайній развратъ, жестокость родителей, дѣтоубійства, подкупы и подлоги, воровство и мстительность (Сборникъ правительственныхъ свѣдѣній о расколѣ Кельсѣва, вып. I—IV).

Въ 1858 и 59 годахъ вышло одно за другимъ два изданія диссертациі Щапова, того самаго, которому нашей свѣтской прессой приписывается честь разгаданія раскола, этого „двухвѣковаго сфинкса“. Правда, здѣсь Щаповъ еще не то, чѣмъ онъ сталъ чрезъ два года. Взглядъ его на расколъ еще двоится: не оставляя старой точки зрѣнія на него, какъ на явленіе церковное, онъ видитъ главный и первоначальный источникъ раскола, наряду съ недовольствомъ русскаго народа церковными преобразованіями, въ оппозиціи гражданскимъ реформамъ, начавшимся въ царствованіе Алексѣя Михайловича и усилившимся при его сынѣ. Съ другой стороны, расколъ представляется ему то раціональнымъ и необходимымъ явленіемъ, то чисто бессмысленнымъ и случайнымъ. Эта двойственность воззрѣнія, въ связи съ заявленіемъ, что въ расколъ перешла только темная сторона древней Руси, вызвала рѣз-

кую критическую статью Добролюбова ¹⁾, которая, по словам биографа Щапова Аристова, „отрезвила Щапова, заставила его выработать точное научное направление и окончательно бросить приемы, любимые духовнымъ начальствомъ“. Съ новымъ научнымъ направлениемъ Щаповъ предсталъ въ 1861 г. на страницахъ Отечественныхъ записокъ, въ статьѣ „Земство и расколъ“. Здѣсь раскольники являются предъ нами уже не невѣжественной толпой, а народной массой практически разумной, полной глубокимъ общественнымъ интересомъ. Расколъ теперь оказался не религіознымъ явлениемъ, а „общинной оппозиціей податнаго земства, массы народной противъ всего государственнаго строя—церковнаго и гражданскаго“, противъ рабства, насилія свободы совѣсти и всѣхъ новыхъ стѣснительныхъ мѣръ, „вѣковымъ отрицаніемъ греко-восточной, никоніанской церкви и государства, или Имперіи Всероссійской, съ ея иноземными нѣмецкими чинами и установленіями“. Въ немъ Щаповъ усмотрѣлъ отдѣльное отъ „государева дѣла великорусское земское строеніе новыхъ общинъ, согласій, сходовъ, совѣтовъ, соборовъ, по изстариннымъ своенароднымъ началамъ, путемъ новой колонизаціи, путемъ новой религіозной пропаганды“, успѣху которой содѣйствовалъ демократизмъ расколуучителей и стремленіе къ возвышенію личности простыхъ поселянъ, дошедшему послѣ до апогеозы.

Одновременно съ Щаповымъ, Кельсиевъ въ Лондонѣ провелъ мысль, что расколъ—выраженіе того постояннаго стремленія великоруссовъ къ независимости и безотчетнаго отвращенія къ всепоглощающему государственному единству, какія проявлялись и въ вѣчевомъ порядкѣ, и въ удѣльной особности, и въ казачествѣ, и нашелъ въ немъ „великій залогъ будущаго развитія Россіи“.

Возрѣнія Щапова были приняты и развиты до крайнихъ своихъ предѣловъ проф. Аристовымъ въ Библіотекѣ для чтенія и Андреевымъ—во Всемирномъ трудѣ, а потомъ въ книгѣ: „Расколъ и его значеніе въ народной русской исторіи“ (1870). „Расколъ, писалъ Андреевъ, можетъ быть изучаемъ только съ земской точки зрѣнія, въ связи съ главными событіями народной исторіи“, потому что онъ „въ своемъ происхожденіи

¹⁾ Современникъ 1859 г. «Что иногда открывається въ либеральныхъ фразахъ».

является протестомъ земства противъ поглощенія его правъ центральной властью“, а въ своемъ развитіи—протестомъ вообще противъ „слабыхъ сторонъ въ порядкахъ государственнаго управленія“, принимающимъ потому то церковный оттѣнокъ въ періодъ религиозныхъ гоненій, то политическій—при гражданскихъ преслѣдованіяхъ отъ Петра до Еватерины II, то социально-экономическій при Еватеринѣ, прекратившей гоненія, но оставившей еще крѣпостное право. Въ распаденіи раскола на поповщину и непоповщину сказалось де различіе старинныхъ преданій московскихъ и древне-новгородскихъ, на образованіи согласій и толковъ „отразились особенности разноплеменнаго русскаго населенія“, „этнографическія явленія“, а на богословскихъ спорахъ раскольниковъ— „неблагопріятныя климатическія, гигиеническія и социальныя условія“. Послѣднему пункту Андреевъ посвятилъ даже особую главу: „Расколъ съ естественно-исторической точки зрѣнія“, въ которой пытается объяснить медицинскимъ значеніемъ воды для борьбы съ холерой и водосъ, какъ предохранительнаго средства отъ зараженія проказой,—употребленіе раскольниками воды при крещеніи и расположеніе ихъ къ бородаб! Что касается церковныхъ вопросовъ, такъ занимающихъ раскольниковъ, то они—не болѣе какъ маска, прикрывающая сущность протеста. Ими вожаки раскола привлекали только къ себѣ новыхъ adeptовъ, людей мышленія и умственнаго развитія. Раскольники—представители ума и гражданственности въ русской простонародной средѣ; они—самая трезвая, промышленная и грамотная часть нашего крестьянства.

Идеализировать расколъ стали и другіе. Костомаровъ признавалъ его „крупнымъ явленіемъ народнаго умственнаго прогресса“, „образовательнымъ элементомъ для простолюдина“, „расшевелившимъ мозгъ русскаго человѣка“. По нему, расколъ, кажущійся явленіемъ консервативнымъ до крайней степени, въ дѣйствительности есть новая Русь, а не старая, потому что потребность защищать дѣдовскій обычай заставила измѣнить старому отношенію къ религіи: „въ старинной Руси народъ мало думалъ о религіи, мало интересовался ею, раскольники же только думалъ о религіи: на ней сосредоточивался весь интересъ его духовной жизни; въ старинной Руси обрядъ былъ мертвою формой, исполнялся плохо,—раскольники искали въ немъ смысла и старались исполнить его сколько-

во возможно свято и точно; въ старинной Руси знаніе грамоты было рѣдкостью,—раскольникъ читалъ и пытался создать себѣ ученіе; въ старинной Руси господствовало отсутствіе мысли и невозмутимое подчиненіе авторитету властвующихъ,—раскольникъ любилъ мыслить, спорить, раскольникъ не успокоивалъ себя мыслию, что если приказано сверху такъ то вѣрить, такъ то молиться, то стало быть такъ и слѣдуетъ; раскольникъ хотѣлъ сдѣлать собственную совѣсть судьбою приказанія, раскольникъ пытался самъ все провѣрить, изслѣдовать“. Впрочемъ, Костомаровъ видѣлъ единственное средство къ искорененію раскола—въ просвѣщеніи ¹⁾...

Другіе писатели—Юзовъ, Абрамовъ, Пругавинъ, Безобразовъ—идутъ еще далѣе въ возвеличеніи раскола. Г. Абрамовъ даже противъ мысли о школѣ, какъ лучшемъ средствѣ для борьбы съ расколомъ и сектантствомъ, такъ какъ „не невѣжествомъ же они порождены!“ Расколъ, пополняемый „людьми, наиболѣе одаренными духовными талантами, наиболѣе способными и даровитыми“, есть „протестъ противъ всякаго рода буквѣдства и схоластики“. „Во всѣхъ движеніяхъ раскола видится горячее, искреннее стремленіе народа добиться истины, правды. Ученіе раскола постепенно освобождается отъ разнаго рода уродливостей, суевѣрій и предрасудковъ, постепенно становится все чище, разумнѣе и свѣтлѣе. Расколъ стремится къ умственному просвѣтлѣнію и нравственному совершенству“. Стремленіе къ устройству школъ и поголовному обученію грамотѣ, постоянное чтеніе книгъ, живой обмѣнъ мыслей—поставили раскольниковъ въ умственномъ отношеніи несравненно выше массы православнаго населенія. Мнѣніе о невѣществѣ и закоснѣлости „старовѣровъ“—результатъ вражды къ нимъ и незнакомства съ ихъ нынѣшними возрѣніями; передовая часть безпоповщины проповѣдуетъ религіозный раціонализмъ, даже чистый деизмъ, а остальная находится на пути къ нему. Право свободнаго толкованія свящ. книгъ вошла въ ихъ плоть и кровь. „Потребность оправдать свои вѣрованія и содержимый обрядъ заставляетъ старообрядца такъ или иначе шевелить мозгами, штудировать книги (каковы бы онѣ ни были), обсуждать рели-

¹⁾ Вѣстникъ Европы, 1871, IV: «Исторія раскола у раскольниковъ.»

гіозные вопросы и доискиваться разумнаго и авторитетнаго рѣшенія ихъ“; „даже упорная привязанность многихъ старо-обрядческихъ толковъ къ буквѣ, къ обряду лучше безсознательнаго отношенія къ нимъ православныхъ, потому что раскольники знаютъ, почему онъ стоитъ за ту или другую мелочь, а православный—нѣтъ“. Потому и религіозныя понятія раскольниковъ чище, чѣмъ у массы православнаго населенія. И въ нравственномъ отношеніи „огромное большинство раскольниковъ стоитъ несравненно выше православнаго населенія“. „Трудолюбіе ихъ, умѣренность, бережливость, трезвость, честность и чистота нравовъ поражаютъ всѣхъ, кто имѣетъ хоть какое-нб. дѣло съ ними“. Если семейная жизнь нѣкоторыхъ толковъ и сектъ носить характеръ глубокой, возмутительной безнравственности, то въ другихъ отличается чрезвычайной нравственностью и такой высокой гуманностію, до которой еще очень и очень далеко православному населенію, такъ какъ сектантская семья развивается и совершенствуется подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, живаго примѣра окружающихъ, глубокой религіозности (Абрамовъ). Но и самая безнравственность семейныхъ отношеній, практикуемая особенно у безпоповцевъ-безбрачниковъ, оправдывается какъ обстоятельствами времени, такъ и тѣмъ, что они свои понятія о семейномъ долгѣ и счастіѣ заимствуютъ изъ своихъ бытовыхъ началъ и руководятся чувствомъ свободы и независимости, которому даютъ просторъ прежнія древне-славянскія формы заключенія браковъ, самой же семьи они не отрицаютъ (Юзовъ). Не менѣе сильны раскольники и общественными добродѣтелями. Сильно развитое чувство общности выражается у нихъ въ признаніи всѣхъ людей братьями и оказаніи помощи даже не единовѣрцамъ своимъ, не говоря о солидарности членовъ секты и о взаимопомощи, во внутреннемъ строѣ сектантскихъ общинъ, въ выборномъ началѣ и сборномъ самоуправленіи, наконецъ, въ попыткахъ устройства экономической жизни на новыхъ началахъ, устраняющихъ господство капитала и разладъ между личностью и обществомъ. Послѣднее привлекаетъ особенное вниманіе изслѣдователей, видящихъ въ раскольникахъ „представителей усиленной общности“. Если и являются противообщественныя секты въ расколѣ, то только вслѣдствіе гоненій. Въ общемъ расколъ „не врагъ общественнаго порядка, а лучшій другъ

его". Въ немъ „громадная, поразительная сила“. „Расколь не пропадетъ безслѣдно на вѣки, не рухнетъ какъ обетшало-е зданіе—нѣтъ!—Онъ будетъ жить, онъ свое дѣло сдѣлаетъ. Православіе въ томъ положеніи, въ какомъ оно находится, въ глазахъ народа падаетъ все ниже и ниже. Расколь становится вѣрой, религіей русскаго народа. Это движеніе внесетъ въ сознаніе народныхъ массъ новыя здравыя идеи, поставитъ новые жизненные идеалы“. Наконецъ, и въ государственномъ и національномъ отношеніи раскольники лучше православныхъ. Не говоря уже о прошломъ, когда расколь, гонимый изъ центра Россіи на русскія окраины и за русскіе предѣлы, всюду развивалъ русскую народность и содѣйствовалъ какъ обрусѣнію окраинъ государства, такъ и приобрѣтенію Россіею новыхъ областей“ (Андреевъ),—онъ и теперь является культурнымъ факторомъ, не поддающимся вліянію инородцевъ, тогда какъ православные на дальнемъ, напр., востокѣ забываютъ русскій языкъ, православную вѣру, поклоняются идоламъ и въ образѣ жизни поддаются то якутскому вліянію, то бурятскому, то тунгузскому (Абрамовъ).

Излагаемое воззрѣніе на расколь въ краткой формулировкѣ можетъ быть выражено такъ: расколь и по происхожденію и по существу есть явленіе исключительно или преимущественно гражданское, объясняемое или изъ національных или изъ соціально-экономическихъ причинъ и условій, но никакъ не изъ религіозныхъ основаній и интересовъ, которые въ дѣйствительности служатъ только маскою гражданскихъ идей и чувствъ. По своимъ принципамъ и по нравственнымъ качествамъ своихъ послѣдователей—расколь былъ благотворенъ для Россіи въ прошломъ и обѣщаетъ много въ будущемъ.

Это воззрѣніе, поразившее вѣкогда многихъ какъ бы новымъ откровеніемъ, продолжаетъ и донинѣ быть удѣломъ свѣтскихъ писателей и такъ называемой либеральной прессы. Но трезвое и критическое отношеніе къ нему обнаруживаетъ въ немъ такіе крупныя недостатки и крайности, которые не позволяютъ принять его въ качествѣ исходнаго начала при изученіи избраннаго нами предмета. Прежде всего оно страдаетъ обобщеніемъ единичныхъ фактовъ, смѣшеніемъ различныхъ эпохъ въ исторіи раскола, незнакомствомъ съ старообрядческой литературой, изъ которой только и можно узнать, чѣмъ живетъ расколь и что онъ думаетъ самъ о себѣ. Затѣмъ, воз-

17.

зрѣніе это, замѣтно игнорирующее внутреннюю исторію раскола, оказывается несостоятельнымъ въ объясненіи дробленія раскола и движенія внутреннихъ вопросовъ съ различнымъ рѣшеніемъ ихъ въ разныхъ толкахъ единой Россіи и съ одинаковымъ—у раскольниковъ Россіи, Австріи, Пруссіи, Румыніи и Турціи, живущихъ при различныхъ соціально-экономическихъ условіяхъ и политическихъ правахъ; не объясняетъ оно и того, почему расколъ сохраняетъ одинъ и тотъ же основной характеръ при различіи отношеній къ нему русскаго правительства и не ослабѣлъ даже отъ „новинъ“ царствованія Александра Николаевича, въ которыхъ раскольникамъ видѣлась столь милая ихъ сердцу старина. Не можетъ оно также объяснить появленія единовѣрія и успѣховъ православной миссіи среди раскольниковъ, дѣйствующей теперь далеко не всегда при помощи гражданскихъ средствъ. Представители его не чужды намѣреннаго или ненамѣреннаго смѣшенія раскола съ рационалистическими и мистическими сектами, чего не остерегся и самъ Щаповъ, между тѣмъ какъ расколъ и секты по существу своихъ убѣжденій и религиозно-правственному настроенію стоятъ на противоположныхъ полюсахъ. Не вѣрна, наконецъ, и основная идея этого воззрѣнія, переносящаго центръ тяжести въ расколѣ съ вопросовъ религіи и совѣсти на вопросы экономическіе и соціальные. Думается, что причина этихъ недостатковъ лежитъ въ тенденціозности новаго воззрѣнія. Оно сложилось подъ вліяніемъ освободительныхъ идей шестидесятыхъ годовъ, и защитники его, мечтавшіе или добивавшіеся соціальныхъ реформъ, улучшенія гражданскаго строя, естественно усмотрѣли въ раскольникахъ, протестовавшихъ противъ ненормальностей этого же строя, своихъ союзниковъ и подали имъ руку помощи, причемъ постарались представить ихъ предъ правительствомъ и обществомъ въ самыхъ свѣтлыхъ чертахъ. Тенденція вообще и политическое увлеченіе въ частности не всегда способствуютъ выясненію истины, и въ данномъ случаѣ они, въ связи съ крайностями officialнаго воззрѣнія чиновниковъ Министерства, противвѣсомъ которому послужилъ новый взглядъ, обусловили односторонность его и повели къ невѣрно направленному изученію раскола.

Что же однако остается отъ новаго воззрѣнія на расколъ, что вложило оно въ изученіе этого явленія?—Значеніе его прс-

имущественно отрицательное. Заставивъ представителей духовной науки тщательнѣе проанализировать всѣ извѣстные печатные и рукописные памятники старообрядческаго творчества, начиная съ писемъ, челобитныхъ и трактатовъ первыхъ расколоучителей и кончая постановленіями соборовъ и перепиской раскольническихъ дѣятелей нашихъ дней,—оно укрѣпило ихъ въ старомъ взглядѣ на расколъ, какъ на явленіе церковное, религиозное, не чуждое однако бытовыхъ и общественныхъ мотивовъ и стремленій; но послѣдніе не только не главный, но и не первоначальный факторъ появленія и распространенія раскола; они вошли въ жизнь раскола нѣсколько позже его обнаруженія и доселѣ играютъ второстепенную роль, подчиненную главному мотиву—религиозному. Такая точка зрѣнія, принимаемая и нѣкоторыми свѣтскими писателями и учеными, изслѣдующими расколъ по памятникамъ его письменности (имѣю въ виду между прочимъ проф. Милюкова, г. Бороздина),—какъ соответствуетъ самому названію предмета и взгляду раскольниковъ на самихъ себя, такъ и оправдывается всей литературой и исторіей раскола.

Съ официальнымъ названіемъ „расколъ“, обозначающимъ отдѣленіе отъ церкви по предметамъ второстепеннаго характера,—представители его мирятся поневолѣ, но и когда соглашаются съ нимъ, придаютъ ему не Шаповскій, земскій смыслъ, а чисто церковный. „Никоніане называютъ насъ раскольниками, писалъ одинъ изъ первыхъ расколоучителей дьяконъ Теодоръ, и это справедливо, потому что мы—сѣбири острья, раскалывающія о Христѣ Ісусѣ ихъ прелестное ученіе, чтобы оно ни расло, ни процвѣтало“ (Мат. для ист. раск., VI, 203). Охотнѣе раскольники зовутъ себя старовѣрами ¹⁾, „остальцами древняго благочестія“, и въ вѣрности старой вѣрѣ и древнему благочестію полагаютъ весь идеалъ своей церковной жизни и сущность своей доктрины. Вѣра же эта заключается въ церковныхъ книгахъ, напечатанныхъ при пяти первыхъ московскихъ патріархахъ и въ санкціонированныхъ ими же обрядахъ, главнѣйшими изъ которыхъ являются: сложеніе двухъ пальцевъ для крестнаго знаменія, двой-

¹⁾ См. напр. заявленіе инока Евфросина въ Отразительномъ писаніи о новоизобрѣтенномъ пути самоубійств. смертей 1691 г.: «Все любятъ зватися старовѣрцы» (стр. 9).

ная аллилуія при третьемъ „Слава тебѣ, Боже“, наименованіе Спасителя Исусомъ, восьмиконечный крестъ, хожденіе при нѣкоторыхъ богослужебныхъ дѣйствіяхъ по солнцу. Соблюденіе церковныхъ обрядовъ въ ихъ доиконовской формѣ и житейскихъ обычаевъ, въ которые отлилось древнее русское благочестіе, и выражаетъ главное содержаніе раскола. „Не передвигай вещей церковныхъ съ мѣста на мѣсто. Гдѣ святые положили что—то тутъ и лежи. Если кто перемѣнитъ хотя малое, да будетъ провлять“—говорили первые расколотчики. Тоже повторяютъ раскольники и въ наши дни: „Намъ больше ничего не нужно, кромѣ двуперстнаго сложенія, на которое мы надѣмся, какъ на самого Христа. Лѣстовка (четки)—тоже догматъ великій и премудрый. Безъ лѣстовки не можетъ быть истинной молитвы, пот. что каждую молитву нужно читать такое именно количество разъ, какое положено, чтобы не задолжать Богу“.

Довольно точно извѣстенъ историческій моментъ обнаруженія раскола и тщательно изучены первыя его рѣчи. Протестъ будто бы земства, отстаивающаго областную свою самостоятельность, начался въ Москвѣ по поводу распоряженія п. Никона о замѣнѣ двуперстнаго сложенія троеперстнымъ и 12 земныхъ поклоновъ при молитвѣ „Господи и Владыко живота моего“—поясными, и выразили его протопопы. Дальнѣйшія обрядовыя и книжныя исправленія Никона, при властномъ и жестокомъ отношеніи его къ противникамъ, увеличили число протестантовъ во всѣхъ слояхъ московскаго и иногороднаго общества и опредѣлили ясно тѣ мотивы, во имя которыхъ выступили расколотчики. Отъ лѣтъ св. князя Владимира и до Никона на Руси сіяло православіе. Унія съ Римомъ греческой церкви и западно-руссавъ возложила на Московскую Русь историческую задачу—быть единственной защитницей чистоты православія во всемъ мѣрѣ. Потому отпаденіе Москвы отъ благочестія означало бы послѣднюю опасность для православія и кончину міра. Такому отпаденію положено начало исправленіями Никона—ясно, что нужно ждать пришествія антихриста и затѣмъ страшнаго суда. Возможно, что Никонъ и есть антихристъ или, по крайней мѣрѣ, предтеча его.

Вотъ весь кругъ главныхъ идей, съ которыми выступили расколотчики. Въ челобитныхъ, даже тѣхъ, которые писаны

были подъ звонъ оружія и при обстановкѣ, заставлявшей трепетать само правительство, равно и въ тѣхъ, которыя составлялись среди приготовленій къ самоожженію, раскольники просятъ не „о себѣ“ и не „о своихъ“, а о церкви, „доучаютъ“ царю только о церковномъ дѣлѣ— „чтобы благочестію въ поруганіи не быть“. „Не наша страданія нудятъ насъ къ тебѣ, государю, вопити, писалъ Алексѣю Михайловичу протопопъ Ив. Нероновъ въ 1653 г., ниже скорбей ради и мученій нашихъ моленіе къ тебѣ, государь, приношу; но страхъ одержить мя о семъ, дабы благочестіе истиннѣ въ поруганіи не было и гнѣвъ Божій да не снидетъ... О, благочестивый царю, устави, молю, бурю, смущающую церквы“ (Мат., I, 37. 38). „Знаю, что тяжело тебѣ, извинялся въ 1664 г. Аввакумъ предъ царемъ... Государь-свѣтъ, не сладко и намъ, когда кости наши ломають и, развязавъ насъ, мучатъ кнутемъ и томятъ голодомъ на морозѣ. А все ради церкви Божіей страдаемъ!“ (V, 122). Діаконъ Θεодоръ въ 1666 г. заявляетъ: „Не о своемъ и не о своихъ хочу говорить, но о матери нашей св. Христовой церкви и о положенномъ въ ней духовномъ богатствѣ, т. е. о св. непорочныхъ книгахъ“ (VI, 22). „Мы стоимъ и побораемъ за сложеніе перстовъ, за трисвятую аллилуйю, за тричастный крестъ“ (VI, 267). Во всѣхъ литературныхъ произведеніяхъ первыхъ расколуучителей не заключается „ни одного слова противъ жизни государственной, ни одного намека на тяжесть соціального строя, ни одного вздоха о порядкахъ экономическихъ“. Напротивъ, они заявляли, что у нихъ нѣтъ никакихъ другихъ мотивовъ, кромѣ религіозныхъ. Въ 1675 г. прот. Аввакумъ въ толкованіи на 44 псаломъ обращался мысленно къ царю Алексѣю: „Перестань ко ты насъ мучить-тово! Возми еретиковъ-тѣхъ, погубившихъ душу твою, и пережги ихъ, скверныхъ собакъ, латынниковъ и жидовъ, а насъ распусти природныхъ своихъ. *Въдъ мы у тебя не отнимаемъ здѣсь царства-тово, ниже иныхъ взмущаемъ на тебя; но за вѣру свою стоимъ, боля о законѣ своемъ, преданнѣмъ отъ св. отецъ*“ (VIII. 45. 46). Діак. Θεодоръ съ рѣшительностью отвергаетъ взведенное на пустозерскихъ узниковъ обвиненіе, что будто они писали посланія на Донъ къ казакамъ и всколебали весь міръ (об. 1678—9 г. VI, 224), а архим. Антоній—что будто онъ писалъ подметный „бунтовный листъ“ (VIII. 120. 121). Даже послѣ

соловецкаго бунта участники его—раскольники заявляли, что они „не самодержцу противились, но за отеческое благочестіе, и за святую обитель мужествовали“, и, дѣйствительно, были противъ того, чтобы стрѣлять по царскимъ войскамъ и прерывать молитву за царя. И если то и другое имѣло мѣсто въ исторіи Соловецкаго мятежа, то потому только, что въ монастырѣ оказались нѣкоторые изъ казаковъ, бывшихъ ранѣе подъ знаменами Ст. Разина. Отношеніе же ихъ къ церковному расколу настолько случайно, что они, настоявши на прекращеніи молитвы за государя и его домъ, велѣли молиться за преосвящ. митрополитовъ (III, 328. 329. 337. 349)... Между тѣмъ первые расколоучители—противъ высшаго духовенства, но не противъ свѣтской власти. Они докладываютъ царю о поносныхъ словахъ на него п. Нивона, о пренебреженіи имъ и нѣкоторыми митрополитами царской власти, вооружаютъ царя противъ высшихъ іерарховъ, какъ единственныхъ виновниковъ церковныхъ нестроеній и жестокостей противъ раскола, выражаютъ готовность положить за него свою душу, „яко да пребудетъ божественная царская власть во вѣки неизвратна и непоколебима, и да управится ею законъ отецъ и умирится св. церковь во единство“ (IV, 253. 4). Въ умѣ расколоучителей мысль о царѣ, какъ о верховномъ защитникѣ вѣры и благочестія, была такъ крѣпка, что Аввакумъ даже послѣ окончательнаго отсѣченія раскольниковъ отъ церкви писалъ царю и царевнамъ объ еретичествѣ сидѣвшаго вмѣстѣ съ нимъ въ пустозерской земляной тюрьмѣ д. Феодора (VI, 125).

Кромѣ религіознаго мотива, въ писаніяхъ первыхъ расколоучителей выступаетъ національный, но выступаетъ въ такой формѣ, которая даетъ видѣть, что и тутъ дѣло сводилось къ религіи. Ив. Нероновъ жалуется Нивону на него самого: „Иноземцевъ ты законоположеніе хвалишь и ихъ обычаи принимаешь“, и къ этому прибавляетъ: „А мы прежде много разъ отъ тебя же слышали, что греки и малороссы потеряли вѣру, и благочестія и добрыхъ нравовъ у нихъ нѣтъ. А нынѣ они у тебя—святые люди и законоучители“ (I, 150). Аввакумъ же обращается къ царю съ такими словами: „Воздохника по старому и скажи по русски: „Господи, помилуй мя, грѣшнаго! А Кириелеисонъ-то оставь: такъ греки говорятъ,—плюнь на нихъ. Ты вѣдь, Михайловичъ, русакъ, а не грекъ. Говори своимъ природнымъ языкомъ; не унижай его и въ

церкви, и въ дому, и въ пословицахъ. Какъ насъ Христосъ научилъ, такъ подобаеъ говорить. Любитъ насъ Богъ не меньше грековъ; предаль намъ и грамоту нашего языка чрезъ св. Кирилла и брата его“ (VIII, 44). И такъ, расколоучителямъ дорогъ русскій языкъ, но въ силу только божественнаго его происхожденія, дорого отечество, но только какъ послѣднее убѣжище вселенскаго православія, другія же народности претятъ имъ въ виду той опасности, какою они угрожали чистотѣ русскаго благочестія.

Толковали также первые расколоучители о „мирскомъ“ благоденствіи, „но это не означаетъ даже того, чтобы гражданскіе интересы стояли наряду съ церковными. Напротивъ, это составляло только нѣчто выводное и говорилось объ этомъ только между прочимъ. „Когда процвѣтаетъ и наслаждается спокойствіемъ св. церковь, тогда Богъ подаетъ намъ благоустройство во всемъ,—миръ, умноженіе плодовъ и враговъ одолѣніе“. „Всякія же бѣдствія приходятъ на насъ по причинѣ небреженія церковными дѣлами и неповиновенія божественнымъ писаніямъ“, потому что гдѣ „храненіе церк. заповѣдей, паче-же Божіихъ, и правильное житіе, тамъ изобиліе благъ и миръ водворяется“ (IV, 167; I, 171. 177). „Очевидно, возможность говорить о „политическомъ“ положеніи и объ „общественномъ“ строеніи была, но за этимъ не скрывалось другой мысли, кромѣ той, что все въ мирѣ зависитъ не отъ людей, а отъ Бога. И потому, когда говорили о переживаемыхъ народныхъ бѣдствіяхъ, то причину ихъ указывали не въ централизаціи власти, не въ погрании земскихъ правъ, не въ экономической эксплуатаціи, а исключительно въ измѣнѣ „древнему благочестію“ (Смирновъ П. С., Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII вѣкѣ, СХХІХ).

Вопросы совѣсти были первой и главной причиной раскола, говоритъ проф. Милюковъ, и этотъ основной фактъ не измѣняется отъ того, что религиозный протестъ удесятерилъ свои силы, соединившись съ протестомъ политическимъ и социальнымъ. Такое усиленіе и осложненіе раскола произошло тогда только, когда сторонники оппозиціи убѣдились, что правительству не только не намѣрено перейти на ихъ сторону и прекратить гоненія, но и окончательно, казалось, отступило отъ идеаловъ старины, реформируя всѣ стороны русской жизни—церковную, социальную, военную, школьную. Но и

тутъ расколъ остался вѣренъ себѣ: на новое правительство и на новыя явленія общественной жизни онъ взглянулъ съ точки зрѣнія вѣрности ихъ православію и установилъ тѣ формы отношеній ко всему этому, какія были продиктованы ему религіознымъ чувствомъ и основными идеями его. И вотъ, если уже въ первыхъ челобитныхъ прорываются дерзкія рѣчи по адресу царя, если уже относительно Алексѣя Михайловича возникло подозрѣніе, не антихристъ ли онъ, то на Петра В. были цѣликомъ перепесены характерныя черты антихриста, какъ онъ рисуется въ Библии и у св. отцевъ. Раскольниковъ, да и не ихъ однихъ, многое приводило къ тому—введеніе Петромъ нѣмецкихъ еретическихъ обычаевъ взамѣнъ обычаевъ русской благочестивой старины, измѣненіе костюмовъ, запрещеніе бородъ, перемѣна лѣтосчисления, уничтоженіе патріаршества съ замѣной его Синодомъ, тяготы военной и соціально-экономической жизни... Даже новый титулъ, принятый Петромъ,—т. е. Императоръ, убѣждалъ раскольниковъ въ этой мысли, потому что сумма его буквъ давала—не безъ натяжки, впрочемъ—апокалипсическое число 666. Но въ этомъ взглядѣ на Петра, какъ на антихриста, и только въ немъ одномъ и заключаются основанія немоленія за него и прямого противленія какъ ему, такъ и его преемникамъ, а также отрицанія всего строя государственной жизни. И царскую власть, и административные органы, и судъ, и законодательство крайніе раскольники отвергаютъ, но не въ принципѣ и не потому, что народу голодно или что несправедливо распределены житейскія блага, а потому, что все это проникнуто духомъ антихристовымъ. Послушаемъ заявленіе одного еедосѣвца въ 1855 г.: „Императоромъ Александра Николаевича не признаю, а признаю его царемъ. Титулъ же императорскій, вмѣстѣ съ гербомъ двуглаваго орла, заимствованъ Петромъ Великимъ отъ нечестиваго сатанинскаго папы римскаго... ибо... двѣ головы—только у дьявола“. Этотъ же раскольникъ не признавалъ мірскихъ властей потому, что онѣ поставлены не царемъ, а императоромъ, а Сенатъ напоминалъ ему „дьявольскій комитетъ“. „Начальниковъ надъ нами, правовѣрными, продолжалъ онъ, нынѣ вовсе нѣтъ, а прежде были бояре и воеводы“. Счелъ онъ „ложными и незаконными“ законы гражданскіе, такъ какъ они „созданы не царемъ, а начальствомъ; идеалъ законодательства для него въ прошломъ—„Стоглавный законъ

Іоанна Грознаго“. Также разсуждали раскольники и о судебныхъ учрежденіяхъ и административныхъ мѣстахъ,—всѣ они теряли въ ихъ глазахъ потому, что вмѣсто креста или иконы былъ поставленъ образъ антихриста, т. е. зеркало, и вмѣсто князя или боярина съ бородой засѣдали судьи бритые, не моющіеся по субботамъ въ баняхъ и судящіе не по Евангелію и по Кормчей книгѣ, утвержденной семью вселенскими соборами, а по Своду законовъ. Потому, разумѣется, и справедливости въ мірѣ стало меньше: „Когда архіереи сдѣлали царя сатаной и антихристомъ, то слуги его могутъ ли удержать правосудіе? Они всѣ ослѣплены мздоимствомъ и дарами, медалями, крестами и орденами, въ противность Словоу Божію“.

Недоволенъ расколъ и воинской повинностью—не потому, что она слишкомъ тяжела, а потому, что внѣшній видъ войскъ напоминаетъ ему антихристово воинство: „нынѣ не копія и стрѣлы, мечи и палицы желѣзныя, но оружія огнепальныя, о нихъ же страшно и речи, и не воины, не казаки и ратники брадатые со крестами, сирѣчь стрѣльцы благовѣрные, но солдаты, еже есть имя сатаны“. Тяжела расколу и подушная подать, но опять по религіознымъ основаніямъ: благочестивая старина ея не знала и притомъ душа, какъ „образъ Божій, невидимый и не осязаемый, должна приносить Создателю своему дань душевную: вѣру правую, надежду несомнѣнную и любовь велицемѣрную“. Протестуетъ расколъ противъ народныхъ переписей—и это потому, что Богъ наказалъ нѣкогда Давида за произведенную имъ перепись и самъ Христосъ уклонился будто бы отъ нея бѣгствомъ въ Египеть. И русскіе благочестивые цари не производили ихъ. Только „Петръ... лжехристосъ, отъ гордости живущаго въ немъ духа, учини народное описаніе, исчисляя вся мужеска пола и женска, старыхъ и младенцевъ, живыхъ и мертвыхъ, возвышаяся надъ ними и изыскавъ всѣхъ, дабы ни единъ могъ скрыться рукаго... Мы же отъ Христа Спасителя научихомся законъ и заповѣди его сохранять и вѣру св. блюсти и таковому лжехристу въ послушенство отдатися не хотимъ и въ книги его законопреступныя писатися съ нечестивыми никогда не будемъ, да и хотящимъ спастися никому не совѣтуемъ, ибо мы отъ св. крещенія записаны есмы въ книги животныя у царя небеснаго на небесѣхъ“. На томъ же основаніи русскіе, австрійскіе и румынскіе раскольники противились введенію записей родив-

шихся, женившихся и умершихъ. Въ метрикахъ они видѣли „страшную и всепагубную антрихристову прелестную статью“ или такъ аргументировали: „писано есть: не бо врагомъ твоимъ тайны повѣмъ, посему и мы не вдаемъ имена свои въ книги никоніанскія“.

Съ этой же основной точки зрѣнія объясняется отверженіе паспортовъ, денегъ, всякихъ общественныхъ обязанностей и отношеній и другія, самыя крайнія проявленія противогражданскаго характера нѣкоторыхъ раскольническихъ толковъ, въ родѣ убійствъ, самоубійствъ, разврата,—все это слѣдствія того же извращеннаго религіознаго чувства, потемненнаго мыслию о наступленіи царства антихриста или его приближенія. Антихристъ—это злой геній нашего раскола и виновникъ всѣхъ ненормальностей его доктрины и жизни: чѣмъ сильнѣе мысль объ антихриствѣ, тѣмъ болѣе дико ученіе раскола и тѣмъ непримиримѣе извѣстный толкъ къ современному строю общественной и церковной жизни. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить поповцевъ—окружниковъ съ лужковцами и съ безпоповцами—еодосѣвцами и бѣгунами, а также съ примыкающими къ послѣднимъ скопцами далекой Сибири, которые, видя въ государѣ и начальникахъ олицетвореніе власти діавола, отвергаютъ повиновеніе законамъ, деньги, подати, науки, искусства и проповѣдуютъ самоубійство, по доблестному примѣру Иуды...

Наконецъ, расколъ вѣренъ самъ себѣ въ отношеніяхъ ко всѣмъ новшествамъ въ общественномъ и домашнемъ быту: во имя вѣрности благочестивой старинѣ онъ возсталъ не только противъ бритвы, модной одежды, галстуховъ даже, калошъ, париковъ, чая, кофе, картофеля, но и противъ новыхъ усовершенствованныхъ орудій, даже противъ употребленія косы вмѣсто серпа. Также отрицательно относится расколъ къ наукѣ. Осудивъ еще въ началѣ своего существованія санитарныя мѣры Никона противъ чумы 1654 г. (въ окуриваніи людей дымомъ можжевельника онъ усмотрѣлъ аналогію съ поведеніемъ древнихъ нечестивыхъ царей, склонявшихъ св. мучениковъ къ идолопоклонству) и занятія медициной при дворѣ Алексѣя Михайловича, расколъ черезъ 200 лѣтъ проклиналъ, какъ ереси, аптеки и больницы, анатомированіе, осазаніе, осматриваніе и вырѣзываніе женскихъ ложеснъ (Кельсіевъ, IV, 196). Вслѣдъ за діак. Θεодоромъ и попомъ

Лаврентъ, упрекавшими царя за симпатіи къ „алманашикамъ“ и „философамъ“, „разсуждающимъ лице небесе и земли“ и „звездъ хвосты аршиномъ измѣряющихъ“,—современный расколь анаематствуетъ астрономію и естествовѣдѣніе: „прowlerнаю и сія хулы, яже развратно пишутъ и учать, что солнце стоитъ, а земля ходитъ, и громы и молвіи бывають отъ нѣвоого, по ихъ мнѣнію, элекстричества и что якобы туча съ тучею сходитса и отъ того бываетъ молвія и громъ“. Подвергаетъ анаемѣ расколь также занятія юридическими науками („отлученъ бываетъ закону учайса градскому“). Расколь выражалъ недовольство даже распоряжкомъ занятій въ нашихъ послѣпетровскихъ школахъ, въ частности лѣтними каникулами. Никоніане, объясняли раскольники, хотять устраивать жизнь человѣческую въ зависимости „отъ нужды стихійной“—по манихейскому ученію, „того ради и семинаристамъ, изъ нихъ же въ духовные чины производять... въ лѣтніе мѣсяцы... въ школахъ учиться не повелѣвають и катихизиса не толкують, подобно люторомъ, глаголюще, что въ сихъ мѣсяцахъ непонятіе наукъ бываетъ. Сиде и латины въ своихъ школахъ взаконеніе имуть“ (Никифоровскій, Темнота религіознаго сознанія, какъ основная особенность старообрядческаго раскола).

Эта замѣчательная находчивость въ квалифицированіи всякаго рода новшествъ, съ подведеніемъ ихъ подъ ту или другую древнюю или новую ересь, является новымъ подтвержденіемъ той мысли, что главный нервъ раскола—религіозные интересы. Средній раскольникъ—это благочестивый русскій человѣкъ XVI—XVII ст., застывшій въ своемъ религіозномъ мировоззрѣніи, которое одно и составляетъ его душевное содержаніе. Потому остается большимъ вопросомъ, можетъ ли расколь, при такой неподвижности мысли, оправдать блестящія надежды, возлагаемыя на него свѣтскими писателями и журналистами. И если расколь внесъ нѣкоторый плюсь въ развитіе русской культуры, преимущественно религіозной ея стороны, то не столько своей положительной дѣятельностью, сколько отрицательнымъ отношеніемъ къ ненормальностямъ нашей церковной и гражданской жизни, и едва ли этотъ плюсь уравновѣситъ то зло, какое расколь прямо или косвенно, волей или неволей причинилъ Россіи. Сила послѣдней—во внутреннемъ единеніи ея, и люди, раскалывающіе его, во

има религiї или чего другого, и „радующіеся не благополучію государственному, а несчастію“, содѣйствуютъ не мощи своего отечества, а его ослабленію. Крѣпость и благо Россіи—въ совмѣстной неустанной культурной работѣ ея сыновъ, одушевленной мыслью о ея великомъ историческомъ призваніи, но люди, являющіеся принципиальными противниками прогресса и время отъ времени прерывающіе общую дѣятельность вслѣдствіе ослабляющаго ихъ жизненную энергію паническаго ужаса, внушаемаго ожиданіемъ антихриста и кончины міра,—такіе люди едва-ли достойны той идеализаціи, предметомъ которой они сдѣлались въ послѣднее время.

Наука о расколѣ не отрицаетъ за старообрядцами извѣстныхъ добродѣтелей личныхъ и общественныхъ и нѣкоторыхъ заслугъ предъ обществомъ и государствомъ, но она не забываетъ и того, что раскольники—христіане и русскіе, почему и не склонна приписывать спеціально имъ того, что свойственно православію и стихіямъ русской народности и ими можетъ быть объяснено. Не отвергаетъ она и гражданскихъ или противогражданскихъ стремленій въ расколѣ, но видитъ въ нихъ нѣчто не первоначальное и главное, а второстепенное, сложившееся подъ вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ въ прошломъ, усиленное въ послѣднее время пропагандой среди старообрядцевъ антисоціальныхъ ученій и заграничными сношеніями ихъ. Знакомы наукѣ нашей и всѣ новѣйшія движенія внутри раскола, характеризующіяся религіознымъ рационализмомъ и индифферентизмомъ и даже полнымъ атеизмомъ и анархизмомъ, но и эти движенія она чувствуетъ себя въ силахъ объяснить изъ того же источника, изъ котораго расколъ вытекъ и разлился на много теченій, и всѣ ихъ освѣтитъ одной идеей. Эта идея—религіозная, и если идеаль всякой науки—сведеніе къ единству всего разнообразія изучаемыхъ ею явленій, то и изученіе исторіи русскаго раскола возможно только съ религіозной точки зрѣнія. Она служитъ научнымъ принципомъ и для курса, предлагаемаго вниманію моихъ будущихъ слушателей.

mk-533785

5

150
095895
11-76

11-76-7

BX 601 .K45 C.1
K voprosu o sushchnosti russka
Stanford University Libraries

3 6105 038 814 583

BX 601
K45

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

28D APR 01 1996

MAR 30 1996
28D APR 25 1996

APR 27 1996

28D MAY 23 1996

